РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЯ И ТИПОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

УДК 008:316.34

Н.В. ТИЩЕНКО

Исходное положение статьи гласит: тип доминирующих в конкретном обществе противозаконных действий непосредственно связан с системой наказания и исправления, а также конструирует характерные черты преступности. Следовательно, анализируя статистически самый распространенный тип правонарушений, мы воспроизводим одновременно систему его наказания и образ его актора. Если одна из трех частей не соответствует остальным, это означает, что в обществе применяется неадекватный метод наказания, преступность находится вне сферы воздействия дисциплинирующих механизмов наказания и ожидается повышение уровня социальной нестабильности. Этим положением утверждается взаимная интегрированность социальных институтов, системы представлений, норм и ценностей в каждом конкретном обществе.

Второе принципиальное для статьи положение связано с пониманием роли идеологии эпохи Просвещения для современного типа общества и функционирующих в нем социальных и культурных институтов. Многие исследователи – и социологи (Т. Парсонс, Н. Луман), и философы, и исследователи культуры (М. Фуко, Р. Жирар, Ж. Бодрийар) – полагают, что современный тип социальных отношений и особенности культуры индустриального и постиндустриального общества непосредственно связаны с идеологией эпохи Просвещения. Последствия противоречий и неопределённостей, которые присутствовали в правовых, политических и философских концепциях авторов XVIII, прослеживаются и во многих современных социальных проблемах. Одним из самых ярких примеров связи идеологии эпохи Просвещения и социальных институтов современности является система наказания.

Можно рассматривать преступность как таковую или анализировать институт тюрьмы в качестве универсальной модели формирования общественных отношений, но в подобных исследованиях вне поля зрения останется специфика современного типа культуры – ее интегративная функция. Ни тюрьма, ни преступник, ни преступление не являются самодостаточными и самодовлеющими единицами. Они – элементы общей структуры власти, тотально использующей весь имеющийся материал (человеческий, технический, природный) и распадающейся на множество на первый взгляд кажущихся самостоятельными функций: функции надзора, охраны, соблюдения прав, выработка норм поведения и пр. Теоретическим базисом этого утверждения является интерпретация Т. Парсонсом социальной системы в качестве интегрирующего звена для всех систем действия в целом. Парсонс предлагает рассматривать общество и культуру в целом через систему действий как субъектов, так и абстрактных социальных подсистем. Он видит в обществе своеобразную реальность, где ценности, нормы, роли, коллективы выступают в качестве идеальных, абстрактных составляющих, а подлинными, «реальными» оказываются процессы взаимодействия и воздействия этих ценностей, норм, ролей и коллективов [5, с. 83]. В подобном контексте исследуемый объект (в данном случае субкультуры исправительных учреждений) оказывается продуктом различных механизмов культуры. Функциональный подход делает предмет исследования открытым для многочисленных интерпретаций и тем самым позволяет провести полноценный, скрупулезный анализ.

В основу используемой нами типологии противозаконных действий положен метод М. Фуко, подробно изложенный им в работе «Надзирать и Наказывать». Условно Фуко выделяет два типа противозаконных действий, сменивших друг друга на рубеже XVIII и XIX столетий в европейской культуре, чей характер непосредственно связан с методами и способами наказания: 1) противозаконности в области народного права 2) противозаконности в области экономики [7, с. 398–407]. В своих выводах Фуко опирается на выведенный им методологический конструкт: с конца XVIII века наибольший общественный резонанс получают любые виды преступлений против собственности. Хотя количество «стихийных» противозаконных волнений не уменьшается, каждый из таких случаев вписывается властным дискурсом в систему экономических отношений: так любое противоправное волнение классифицируется как выступление бедности за перераспределение богатства. Соответственно, Фуко устанавливает

и трансформацию приоритетов в наказании — карательная практика суверенной власти сменяется более гуманной исправительной системой паноптических пенитенциариев.

Фуко заявляет, что «хотя новое уголовное законодательство как будто бы предполагает смягчение наказаний, более четкую их кодификацию, заметное сокращение произвола, более широкое согласие относительно власти наказывать, в действительности оно основывается на перевороте в традиционной экономии противозаконностей и на жесткой необходимости поддерживать их новое регулирование» [7, с. 129–130]. Речь идет, прежде всего, об изменении типов противоправных действий. До XVIII столетия противозаконности были связаны с отстаиванием определенных прав и свобод той или иной категорией поданных. С конца XVIII века противозаконности наносят ущерб экономическому статусу граждан. Именно нанесение материального, экономического вреда гражданам становится той точкой, вокруг которой фокусируются новые принципы наказания, по мнению Фуко.

Сегодня перед мировым сообществом вновь стоит проблема смены области противозаконности. Экономические правонарушения по важности уступили место противозаконностям в сфере жизнеобеспечения. Старый неразрешенный клубок этнополитических проблем приобрел чудовищные очертания. Не заметить, проигнорировать важность этого блока проблем позволил старый просветительский принцип: «цель и мерило власти... заключается в сохранении всех принадлежащих к обществу людей, т. е. всего человечества в целом» [3, с. 363]. С одной стороны, власть проявляет тотальную заботу обо всех гражданах, с другой — эта тотальная забота была однотипной и уравнительной, она лишала и социальные группы, и индивида отличающих их «индивидуальности» и своеобразия.

В своих рассуждениях об экономическом типе противозаконности Фуко воспроизводит просветительскую идею о связи свободы личности и прав собственника. Несмотря на свое критическое отношение к наследию эпохи Просвещения, Фуко в анализе пенитенциарной системы не преодолел рубеж экономических противозаконностей, хотя процессы, происходившие на его глазах в тюрьмах, и «качественное» изменение преступлений говорили о том, что противозаконность в сфере экономики сменяется правонарушениями совсем иного рода. Преступность и пенитенциарная система перешли на новый уровень отношений: 1) изменилась форма протеста тюремному режиму; 2) корыстные преступления сохранили массовый характер, но перестали рассматриваться общественной системой в качестве глобального урона; 3) появились новые формы преступности. Совокупность этих процессов привела к формированию третьего типа противозаконности, определяемого нами, вслед за криминологами, как транснациональная организованная преступность, в борьбе с которой требуются совсем иные методы наказания и исправления.

В XX столетии приобрел массовый характер новый способ противостояния между заключенными и администрацией тюрем. С самого начала появления пенитенциарной системы современного типа очевидным стал факт того, что благодарность и преданность со стороны осужденных к своим охранникам — это утопическая мечта таких творцов тюремной паноптической системы, как Ч. Беккариа и Дж. Бентам. Более того, скрытое и явное противостояние внутри тюрьмы между осужденными и охраной стало основой эффективных методов дисциплинирования и надзора. Поэтому традиционной формой неповиновения на протяжении всего XIX века был побег, зачастую связанный с убийством охранников. Альтернативной формой протеста была голодовка, но ей пользовались «необычные» с позиций уголовного права XIX века преступники — политические заключенные. Убийца, вор, грабитель, мошенник пытались вырваться из пространства тюрьмы или каторги, лишающих их свободы действия, потому что в заключении они ощущали себя абсолютно бесправными людьми. С чувством бесправия в тюрьме связано и формирование тюремной субкультуры, легализующей свои нормы поведения уже не по государственному закону, а по своим собственным нормам. Только политические заключенные в условиях тюрьмы поднимали вопрос о правах осужденных в контексте прав гражданина, но при этом подчеркивали свое принципиальное отличие от остальных преступников и требовали для себя особого отношения со стороны властей.

Одну из самых интересных точек зрения на протесты в современных тюрьмах предложил Р. Морган. Опираясь на анализ бунтов и волнений, представленный в отчете Министерства внутренних дел Великобритании (1991), в котором была дана оценка крупнейшему в современной истории тюремному восстанию в Манчестере, он сформулировал принцип «беспорядочно расширяющейся спирали», трактуя беспорядки не как событие, а как результат определенного предшествующего процесса [8, с. 210–223]. Согласно

этой модели, установленные контролирующие стратегии оказываются проблематичными по нескольким причинам, включая вопросы легитимности власти, трансформацию структуры организации, ухудшение условий содержания или несправедливое отношение. Концентрация неразрешимых ситуаций ведет к крайней поляризации служащих и осужденных, к росту антагонизма и беззащитности, снижению уровня толерантности с обеих сторон. В этот момент любой малозначительный конфликт может стать «спусковым крючком», оборачивающим гнев и фрустрацию в бунт.

Изоляция преступника не является сегодня достаточной и адекватной мерой наказания, точно так же, как и освобождение не рассматривается осужденными в качестве основной цели. В XX столетии господствующий дискурс посредством научных исследований, средств массовой информации, риторики общественных и правозащитных организаций перестает транслировать пенитенциарную систему в терминах исправления и справедливого наказания, а видит в ней практику сегрегации, исключения и складирования, угрожающую жизни вообще и системам жизнеобеспечения в частности.

Удельный вес корыстных преступлений в Европе и Америке по-прежнему остается очень высоким (от 75% до 94% в различных странах) [2, с. 28]. Однако поле деятельности этой группы противозаконности постоянно сужается и уже не представляет серьезной опасности для общества. Кроме того, регуляция многих экономических нарушений вынесена за пределы уголовного кодекса современным законодательством и входит в компетенцию административного, семейного, налогового, гражданского кодексов. Рыночная экономика достигла такого уровня самодостаточности, что перестала нуждаться исключительно в уголовных механизмах защиты против таких видов преступлений в экономической сфере, как «бродяжничество» или «нарушение прав наследования». Даже уголовно наказуемые взяточничество, подлог, злоупотребление служебным положением в большей степени наказываются не через пенитенциарную систему, а через информационные и административные механизмы: объявление в СМИ о мошенничестве руководства одной компании ведет к краху и банкротству целой финансовой и производственной сети, состоящей из банков, предприятий, страховых компаний, служб инфраструктуры.

Но если общество выработало иммунитет против некоторых типов экономических преступлений, это не означает, что оно полностью обезопасило себя от противоправных действий. Сегодня общественная система не менее уязвима, чем сто лет назад, и ее главной угрозой является *транснациональная преступная деятельность, направленная на подрыв здоровья населения и дезорганизацию структур жизнеобеспечения общества.* В 1994 году в Неаполе состоялась Всемирная конференция по организованной преступности, в ходе работы которой было отмечено и обосновано десять угроз, вызываемых транснациональной преступностью.

На практике эти угрозы выливаются в следующие формы: 1) незаконный оборот наркотиков; 2) поставка оружия (в том числе массового поражения); 3) внутренний и международный терроризм; 4) торговля мужчинами, женщинами, детьми, человеческими органами. Предупреждение и наказание этих преступных действий потребовали от власти отказа от прежних стратегий наказания [4, с. 181]. Опыт показал, что исправление наркомана подразумевает не изоляцию, а длительное лечение; поставщиков оружия и террористов нельзя дисциплинировать через систему трудовой повинности; современные работорговцы и продавцы человеческих органов вообще до недавнего времени не были оговорены уголовными системами многих государств.

Причины появления третьей формы противозаконности заключены в самом характере господствующих властных отношений. Власть изначально не смогла адекватно отреагировать на некоторые формы преступлений, не соответствующие общему проэкономическому строю пенитенциарной системы. На наш взгляд существует четыре группы противоправных действий, не соответствующих по своей внутренней структуре паноптической тюрьме: 1) «нерациональные преступления», перешедшие в компетенцию психиатрии; 2) гендерные стереотипы в анализе преступлений, способствовавшие укреплению норм нуклеарной семьи и социальных практик исключения женщин; 3) насильственная депривация бедности; 4) этнические/расовые образы преступности. Распространение подобных преступлений, общественный резонанс, который они получали, дискуссии о способах борьбы против них — эти процессы легли в основу развития транснациональной организованной противозаконности, чьи основные черты мы попытаемся определить.

1) В дискурсивном разрыве, возникшем в результате споров между криминалистикой и психиатрией по поводу вменяемости преступника, выкристаллизовывалась транснациональная противозаконность, которая,

наравне с явной экономической выгодой, подразумевает и большую долю «необъяснимого» и «нелогичного» в действиях преступника. В европейских государствах и Америке криминологи, социологи и психологи обратили внимание на это несоответствие и сделали вывод, что эффективно бороться с транснациональными преступлениями можно только лишь через общественную агитацию и идеологический пресс. Поэтому большое распространение получили общественные движения по борьбе с наркотиками, детской и подростковой проституцией, продажей людей и пр.

2) Гендерные стереотипы в анализе преступлений. Двумя крупнейшими западноевропейскими идеологами гендерной сегрегации в области преступлений были Ч. Ломброзо и П. Ж. Прудон. Их теории находились в постоянной конфронтации с набирающим силу феминистским движением, а самое главное, – с потребностями рынка труда, который в XIX веке нуждался в женской рабочей силе. Однако высказывания о типично «женских» преступлениях и «женских» криминальных сферах закрепились в современной криминологии, что позволило транснациональной преступности использовать гендерные различия в своих целях. Гендерные стереотипы в анализе преступлений привели к тому, что исполнителями самого нижнего звена в транснациональной преступности являются на сегодняшний день чаще всего женщины, причем представительницы развивающихся стран или представительницы национальных меньшинств и женщины из наименее защищенных социальных слоев. По статистике, среди транзитных перевозчиков наркотиков женщины составляют 48% (подростки – 25%), женщины все чаще вовлекаются в качестве исполнителей террористических актов, поставщиками человеческих органов на черном рынке также являются в подавляющем большинстве женщины [6, с. 134–161].

3) Насильственная депривация бедности. Идеологи дисциплинирующей системы наказания в XIX веке – Фоше, Феррюс и Веллерме – предупреждали, что корни преступности лежат в бедности и нищете [7, с. 398–407]. Главным объектом внимания дисциплинирующей власти должны стать бедные кварталы городов, экономически неразвитые пригороды, т. к. именно эти территории являются основными поставщиками криминальных элементов. В XX веке мнение о том, что беднейшие и низшие слои общества принадлежат к криминальным структурам, поддерживалось многими исследователями, принадлежащими к противоположным теоретическим направлениям: от Т. Веблена до Э. Гидденса. Однако большинство подобных анализов проводилось на основе данных официальной криминальной статистики, которая совсем не учитывает, что организацией большинства корыстных и насильственных преступлений занимаются люди, имеющие высокое положение в обществе. Четвертый обзор преступности ООН, чья программная часть написана Дж. Ньюменом, подтверждает предвзятость подхода, связывающего нищету и преступность, и осуждает распространение насильственной депривации и криминализации бедности [9, с. 128–154].

Транснациональный тип противозаконности использует насильственную криминализацию для того, чтобы скрыть от органов правопорядка подлинных участников транснациональной преступности, он способствует распространению коррупции во власти, и остановить этот процесс крайне тяжело, т. к., по общему мнению, опасность заключается в «беднейших слоях населения», а не в «элите общества». Поэтому Ньюмен полагает, что продуктивнее выяснить не то, кто больше совершает преступлений, а какие слои общества больше всего страдают от преступлений. Анализ мировых криминальных данных показывает, что от транснациональной преступности прежде всего страдают слабо защищенные беднейшие слои общества. Если в ситуации с экономической противозаконностью закон ограждал от посягательств *богатство*, то сегодня закон должен защищать от насилия *бедность*, т. к. преступные действия направлены теперь на жизнь как таковую, на механизмы жизнеобеспечения.

4) Этнические/расовые образы преступности. Наряду с криминализацией гендера и бедности паноптическая тюремная система столкнулась с проблемой криминализации этноса, имеющей два вектора развития. С одной стороны, криминализации этноса способствовала попытка национальных меньшинств и малых этносов отстоять свои традиции, расходящиеся с экономическими транснациональными интересами капитала. С другой стороны, массовые миграционные процессы во всем мире спровоцировали столкновение различных субкультур, которые, отстаивая специфические нормы и традиции, обратились к методам, противоречащим нормам государственного права.

Столкновение старого традиционного права, связанного с обычаем рода или этнической группы, с новыми экономическими приоритетами представляет собой борьбу этнических и родовых интересов с транснациональными. Противостояние подобного рода

не изжито до сих пор. Более того, оно приобрело еще более изощренные формы шантажа, терроризма и саботажа. Буржуазия не только, по словам Фуко, «оставила за собой богатую область противозаконности в отношении прав» [7, с. 127], но и предложила новую сетку распределения этих прав, которая в меньшей степени учитывала интересы этнических групп и родовых общин. Таким образом, новое право оказалось не столько транснациональным, сколько а-национальным.

Поначалу борьба носила действительно экономический характер. Этнические группы отстаивали традиционные виды промысла в ущерб государственным экономическим интересам, внутри этих групп культивировались обряды и традиции, противоречащие государственным законам (определенные формы брака, передачи собственности) [10, с. 84–110]. Затем формы противостояния стали отличаться большим уровнем конфликтности и переросли в откровенные криминальные действия. В XX столетии экономический и политический вес приобрели национальные мафиозные группировки (итальянская, китайская, японская, кавказская мафия). Преступные, противоправные действия этих сообществ располагались уже не в области родового права или в экономической, имущественной сфере. Они контролировали преступный бизнес, который не только подрывает экономику государства, но и разрушает здоровье и генофонд населения: продажа спиртных напитков, наркотиков, оружия, проституция.

В культурно-историческом контексте прослеживается наличие трех групп противозаконных действий, сменивших друг друга с XVIII по XX столетия в Европе и чей характер непосредственно связан с изменением повседневных культурных практик: 1) противозаконности в области «народного права»; 2) противозаконности в области экономики; 3) транснациональная организованная преступность. В российском историческом и криминальном опыте представлены все три типа противоправных действий. В XVII–XVIII вв. в Европе произошли кардинальные, интеграционные изменения, которые в итоге привели к появлению нового типа противозаконности и, соответственно, нового метода наказания. Теоретическим звеном трансформаций выступила идеология Просвещения, в частности, знаменитый тезис Локка о том, что главным достоянием человека в гражданском обществе являются «жизнь, свободы и имущество» [3, с. 301]. Тотальная забота о «жизни, свободе и имуществе» гражданина послужила поводом к появлению в XX веке третьего типа противозаконности, угрожающего самому факту существования жизни и одновременно демонстрирующему парадокс просветительских ценностей.

Основным противоречием Просвещения мы, вслед за М. Хоркхаймером и Т. Адорно, считаем внутреннюю диссимиляцию первостепенной задачи, выдвинутой идеологией Просвещения: преодоление нестабильности и зависимости от природы благодаря калькулирующим методам технологической рациональности [1, с. 47–52]. В пенитенциарной системе этот парадокс выглядит следующим образом: интенсификация режимных правил сопровождается усилением сопротивления правовым нормам и ростом социальных отклонений в обществе. Современная транснациональная преступность является следствием разинтегрированности социальных институтов, правовых норм и культурных предпочтений. Она возникла на пересечении механизмов тотальной рационализации и стратегий социального контроля и прогнозирования, и эффективная борьба с этим типом преступности означает преодоление негативных последствий рационализации, овеществления, и технологизации современных социальных отношений.

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские Фрагменты. М. : Медиум, 1997. 310 с.
2. Алауханов Е.О. Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений [Текст] / Е.О. Алауханов. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2005. 282 с.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении. Книга вторая / Сочинения: в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–407.
4. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М. : Норма, 1997. 480 с.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2002. 880 с.
6. Стеффенсмайер Д., Аллан Э. Пол и преступность [Текст] / Криминология: под ред. Дж. Ф. Шелли. СПб. : Питер, 2004. С. 134–161.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. М. : Ad Marginem, 1999. 482 с.
8. Morgan R., Malcolm. E. Preventing Torture: A Study of the European Convention for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. Oxford : Oxford University Press, 2000. 345 p.
9. Newman G. Crime and the Human Condition / Essays on Crime and Development. Rome : UNICRI, 1990. P. 128–154.
10. Rublack U. Pregnancy, Childbirth, and Female body in Germany Modern Time // Past and Present. – 1996. – 150. P. 84–110.